

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

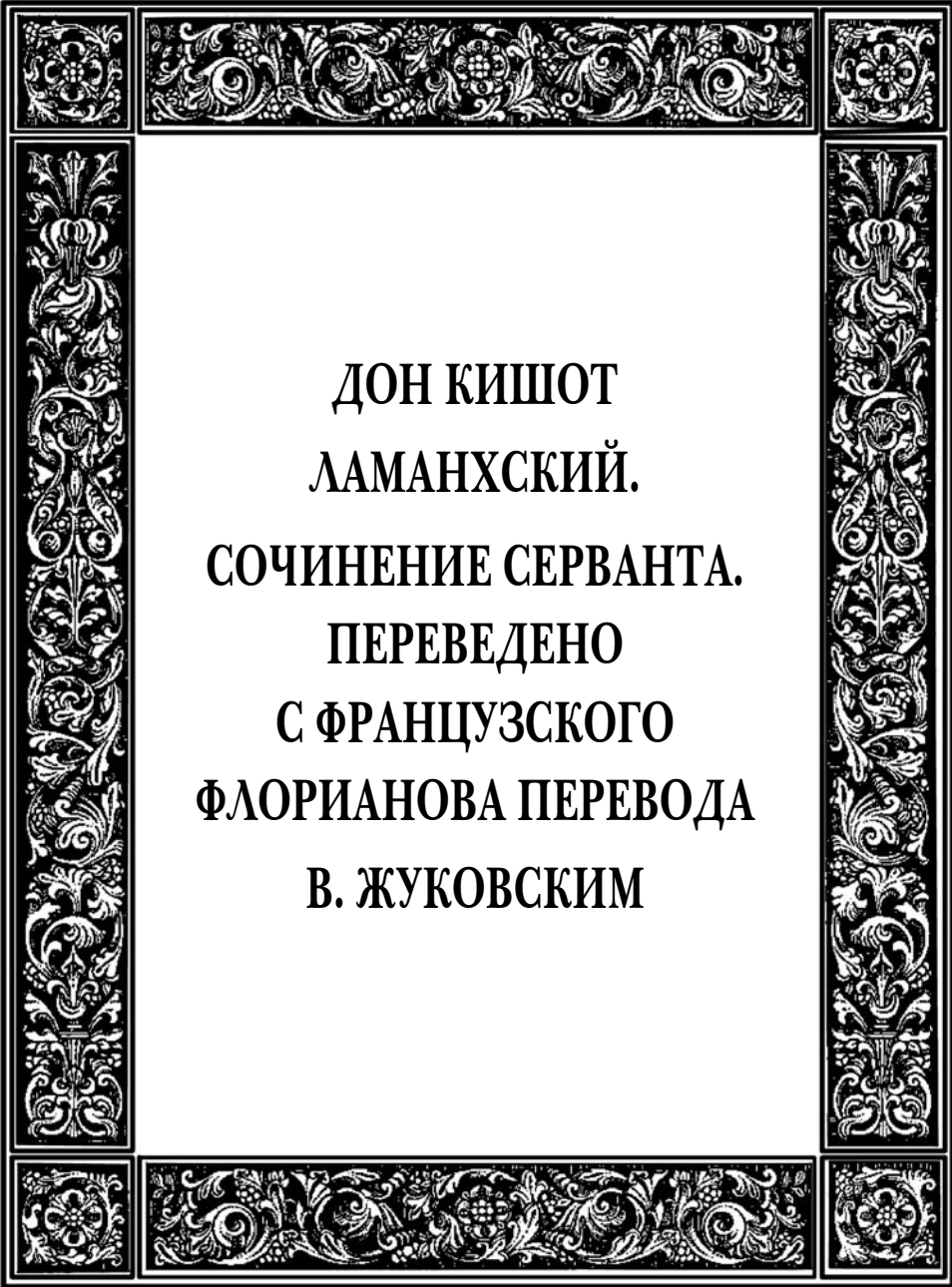
**ДОН КИШОТ ЛАМАНХСКИЙ.
СОЧИНЕНИЕ СЕРВАНТА.
ПЕРЕВЕДЕНО С ФЛОРИАНОВА
ФРАНЦУЗСКОГО ПЕРЕВОДА
В. ЖУКОВСКИМ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

ДОН КИШОТ
ЛАМАНХСКИЙ.
СОЧИНЕНИЕ СЕРВАНТА.
ПЕРЕВЕДЕНО
С ФРАНЦУЗСКОГО
ФЛОРИАНОВА ПЕРЕВОДА
В. ЖУКОВСКИМ

ДОНЪ КИШОТЪ
ДЛ МАНХСКІЙ.

Сочиненіе Серванша...

Переведено въ Флоріанова Французскаго Перевода

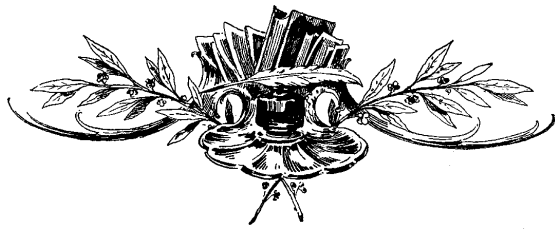
В. Жуковскимъ.

МОСКВА,

въ Университетской Типографіи.

1815.

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Я строго судил французский перевод «Дон Кишота» в «Сервантовой жизни», напечатанный при начале «Галатеи»²; тогда я не думал переводить его, теперь перевел и больше не имею права говорить о старом переводе. Он существует, и что бы ни сказала публика о моем, «Дон Кишот», на нашем и на всяком языке, стоит не одного переводчика.*

*Груд мой имеет свою особенную цель: раскрытие истины, редким известной. Все читают «Дон Кишота» как роман забавный и приятный; не все находят в нем сию натуральную философию, которая смеется над предрассудками, свято храня чистоту морали. Все, что герой говорит не о рыцарстве, как будто внушено мудростию и дышит любовию к добродетели; самое безумство его есть, в испорченном смысле, сия же любовь к добродетели. Дон Кишот — сумасшедший делами, мудрец мыслями. Он добр; его любят; смеются ему и всюду охотно за ним следуют. Знают, что он сумасшедший, и с удовольствием слушают его размышления. Сервант, может быть, единственный человек³, который умел согласить такие противности, который нашел средство, в продолжении нескольких томов, занимать читателя бреднями сумасшедшего, смешного и любезного, жалкого безумством и удивительного умом**.*

Знаю, что некоторые люди со вкусом не любят «Дон Кишота». Я не хочу с ними спорить, скажу, однако ж, что книга, столько раз переведенная на все языки Европы, и всегда с одинаким успехом, должна иметь в себе особенное достоинство. Напомню сим строгим судьям, что Сервант писал в шестом-на-десять веке, в то время, когда схоластический дух еще царствовал, когда самые просвещенные нации не читали ничего, кроме нелепых рыцарских романов, когда французы еще не имели своей «Астреи»⁴. Сообразя все это, мы должны удивиться человеку, нашедшему в своем воображении оригинальный характер Санхи, с интересными эпизодами Доротей, пленника и трогательного Карденио, с которого Ричардсон списал свою Клемантину⁵. Мы должны удивиться писателю, который, наполнив книгу свою разнообразными характерами, никогда не отступает от природы, тро-

* Мы переведем ее для удовольствия читателя. П. (прим. В. А. Жуковского, букву «П.», по-видимому, следует читать как сокращение слова «Переводчик». — Ред.).

** «Из книг, читанных мною в жизни, больше всякой желал бы сочинить «Дон Кишота». С. Евремон, письмо к Марешалю де Креки.»

гает нас, когда хочет, умеет говорить о добродетели языком, ее достойным, и смешит нас, не оскорбляя робкой стыдливости.

Перестану хвалить: хвала переводчика подозрительна; прибавлю, есть недостатки в Серванте: некоторые шутки часто повторяются, иные слишком растянуты; есть неприятные картины. Сервант не везде имел очищенный вкус, он платил дань своему веку! Сверх того всякая нация имеет свой особенный вкус. Я точно уверен, что Сервант написал первую часть «Дон Кишота» одним приемом и даже не трудился перечитывать черных листов⁶; многие несообразности служат нам доказательством. Я осмелился переменить иное; ослабил некоторые слишком сильные выражения; переделал многие стихи; выбросил повторения; наконец быстротою слога заменил красоты, которых не мог найти в своем языке. Так переведены «Грандиссон»⁷ и «Кларисса», их слава от того не уменьшилась. Люди, не слишком строгие, которые не лишают переводчиков смысла и вкуса, могут поверить моей любви к Серванту, что я выбросил из него только то, что не могло быть его достойно в переводе.*

Знатки в испанском языке не будут винить меня за то, что я осмелился сократить сию книгу, превосходную, несравненно приятную, в своем роде единственную. Они столько же знают, как и я, что мне иначе поступить было не можно. Красота одного языка нередко исчезает в другом. Что ж делать в таком случае переводчику? Пропускать или писать свое.

Не надеюсь однако получить совершенного разрешения от читателя. Признаюсь ему откровенно, что в переводе моем и самое лучшее несравненно хуже, нежели в оригинале. Одну из главных красот сего оригинала составляет приятность, разнообразие слога. Сервант, заставляя говорить Дон Кишота, нередко возвышает свой тон, становится ритором. В разговорах Санхи — всегда комическая простота и колкость. Совсем другой язык для пастухов, натуральный, веселый и всегда приятный. Слог историка чист, легок, в иных местах несколько пышен, но везде гладок и непринужден. Остается желать мне, чтобы все это нашли в моем переводе.

Флориан

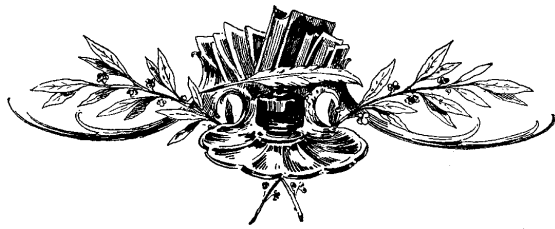
И мне то же.

Переводчик Флорьянов

* В V главе управительница говорит священнику, что господин ее пять дней в отлучке, а он уехал накануне. Санхо сначала совсем не говорит пословиц. В XIII главе Гинес Пассамон крадет Санхина осла, через страницу Санхо едет на осле за своим господином. Время, эпохи почти нигде не соблюдены. Я мог бы еще многое заметить, но все сии ошибки уже замечены испанским критиком «Дон Кишота». Я некоторые поправил в своем переводе (прим. Флориана, переведенное Жуковским. — *Ред.*).

**ЖИЗНЬ
И
СОЧИНЕНИЯ
СЕРВАНТА**

ЖИЗНЬ СЕРВАНТА

*Михайла Сервант Сааведра*⁸, которого сочинения прославили Испанию, исправили его современников и смешат Европу, жил в бедности, был несчастлив и умер, забытый всеми. Недавно узнали настоящее место его рождения: Севилла, Мадрит, Люцена, Алкала спорили о сей чести. Сервант, подобно Гомеру, Камоенсу и другим великим людям, нашел отечество после смерти, а в жизни лишен был необходимого.

Испанская академия, под руководством своего монарха, воздвигла Серванту памятник, которого давно благодарность ожидала от Испании, напечатала превосходно *«Дон Кишота»*. Кажется, хотела она сею типографическою пышностию заплатить автору за несправедливость нации. В этом новом издании *«Дон Кишота»* помещена *«Жизнь Сервантова»*, сочиненная одним из первых академиков и почерпнутая в верных источниках. Буду следовать сему сочинителю в том, что принадлежит до происшествий; но позволю себе говорить о сочинениях Серванта согласно с своими чувствами⁹.

Сервант — природный дворянин; отец его назывался Родригом Сервантом, а мать Леонорою де Кортинас. Он родился в Алкале де Генарес, что в новой Кастилии, октября 9-го 1547 года¹⁰, при Карле Пятом.

Он любил книги с ребячества¹¹, учился в Мадрите у одного славного профессора¹² и превзошел всех учеников его, своих товарищей. Любимейшими науками тогдашнего времени были теология и латинский язык. Родители Сервантовы хотели сделать его духовным или медиком — два состояния, выгодные в Испании; но он также, как и многие славные поэты, писал стихи вопреки своим родителям.

*«Элегия на смерть королевы Изабеллы Валуа»*¹³, несколько сонетов, небольшая поэма *«Филен»*: вот первые опыты Серванта — они были неудачны. Молодой автор обиделся, оставил Испанию и переехал в Рим, где крайность принудила его служить камердинером кардиналу Аквавиве¹⁴.

Скоро сия низкая должность опротивела Серванту; он записался в военную службу и отличился на славной Лепантской баталии, выигранной в 1571 году Жуаном Австрийским; рана, им полученная, лишила